

Александр БИРШТЕЙН

Авчинниковский

По идее, этот переулочек вполне можно было бы назвать Еврейским.

Переулочек... Ха! Два ухабистых квартала. От Жуковского до Троицкой. Пять минут — и весь переулочек. Но... Без этого переулочка неполной была бы история Государства Израиль. Во как!

А также тут формировалась великая еврейская литература. Имена Хаим-Нахман Бялик, Владимир (Зеев) Жаботинский вам о чем-то говорят?

Да и русская... Ибо писатель Аркадий Львов, безусловно, знаковая фигура в истории советской, да и русской литературы. И Семен Липкин тоже... Кстати, можно говорить и о литературе Востока, ибо Липкин переводил — и прекрасно! — калмыцкий эпос "Джангар", киргизский "Манас", поэму "Лейла и Меджун" Навои, "Шахнаме" Фирдоуси...

Мало?

А если еще я скажу, что знаменитый одесский КВН создавался именно в этом переулочке?

А если добавлю, что ростки невиданной благотворительности, посаженные еще в XIX веке, вззошли тут в наше время?

До революции тут процветала мелочная, а потом и оптовая торговля. Тут жили евреи. Довольно много евреев... И почти все они, оставшиеся в оккупации, погибли в октябре 1941 года. Их просто выгнали 23 октября 1941 года на идущий параллельно Александровский проспект, где немцы установили сотни виселиц, и убили... Реально уцелела лишь одна семья, всю войну просидевшая в подвале у соседей, выдавших себя за караимов...

А впервые о переулочке, носившем название Авчинниковский ряд, упоминается в 1799 году, потом в 1817 году переулочек именовался Грязным, в 1843 г. переулочек стал Авчинниковским и «держался» до 29.12.1929 года, когда стал переулочком Ярославского. Но недолго борец с религией, а заодно и уголовник, сидевший на каторге за грабежи, красовался на уличных табличках: в 1938 году название снова изменили, и переулочек с чего-то вдруг огреб имя Романа Роллана. В ноябре 1941 года переулочек опять стал Авчинниковским. Вот такая история у этого скромного переулочка, который с мая 1945 года носит имя разведчика Александра Нечипуренко.

Нечипуренко известен как храбрый разведчик, не терявший в самой сложной обстановке. Вместе с другими смельчаками он пробрался с радиостанцией на территорию, занятую фашистами, и оттуда корректировал артиллерийский огонь наших батарей. Во время следующего рейда Нечипуренко с двумя товарищами уничтожил вражескую минометную батарею, еще через день — пулеметное гнездо, десять румин и немцев. Находясь в одиночной ночной разведке, Нечипуренко напал на противотанковую батарею фашистов. Забросав ее гранатами, он уничтожил несколько человек из прислуги, остальные бежали. Разведчик запряг лошадей в противотанковую пушку, забрал зарядные ящики и помчался к своей части. Пушка оказалась исправной, в зарядных ящиках нашли 70 снарядов и 200 бронебойных винтовочных патронов. А.А. Нечипуренко одним из первых защитников Одессы был награжден орденом Ленина.

Длинное вступление. Да? А это я вам еще про Авчинникова не рассказал. Вернее, Авчинниковых. Это было большое купеческое семейство, игравшее огромную роль в жизни города. И.И. Авчинников был городским головой в 1827 — 1830 гг. Это вам не фальсификатор Ярославский.

Начинался переулочек от улицы Жуковского, тогда Почтовой. Дело в том, что одесская почта начиналась именно тут, на месте здания, в котором сейчас начальная школа № 119.

Боковой фасад выходит в переулочек. Поэтому № 1 по Авчинниковскому переулочку расположен довольно далеко от угла. Ничего интересного я вам об этом доме рассказать не могу. Что поделаешь...

В доме № 2 жил великий мастер степа Эмиль Глед.

Эмиль Глед явился прототипом главного героя фильма Карена Шахназарова «Зимний вечер в Гаграх». Исполнитель главной роли в этом фильме Евгений Евстигнеев специально приехал в Одессу, чтоб повидаться с Эмилем Давидовичем. Обнимая его, Евгений Евстигнеев сказал: «О, так я еще живой!» (Если вы помните, главный герой в конце фильма умирает.)

В 2000 году в Одессе открылся первый джаз-карнавал. Естественно, открывал его у памятника своему другу Леониду Осипови-

чу Утесову Эмиль Глед. А последнее его сольное выступление состоялось на вечере, посвященном его девятидесятилетию юбилею!

Дом № 3 построен в 1838 году архитектором Г.И. Торичелли. Тут был доходный дом Авчинникова, а после революции заселился профсоюз грузчиков. Неинтересно. Да?

Но о доме № 3 хочется поговорить особо. Там долгое время размещался "Хесед" — благотворительное еврейское общество. Наверное, не надо говорить, каким счастьем для стариков и старух было ежемесячно в тяжкие 90-е годы и в начале 2000-х получать увесистые продуктовые посылки, лекарства, бесплатные билеты в театры, медицинское оборудование... Смешанные чувства испытывал я, проходя мимо подвала, где выдавались посылки, и видя в очереди хорошо знакомую мне семью антисемитов. Одному я даже морду бил как-то за антисемитские высказывания.

— Не стыдно? — спросил я, заведя его в очереди за посылкой.

— У меня бабушка еврейка! — гордо ответил он. — Могу справку показать.

Тварь...

Извините...

Зато в доме 4, который мы видели рядом с № 2, находился Немецкий клуб, превратившийся в спортивное общество «Местран» имени Юдиловича. Да-да, биндюжники тоже были местрановцами. («Местран» — местный транспорт.) А с «Местрана» начинался футбол в Одессе. Представляете, ежели б знаменитый Мендель Крик, слышавший среди биндюжников грубияном, играл в футбол, то был бы местрановцем и носил сюда взносы. И знаменитый, самый известный в истории одесский футболист Злочевский играл в «Местране»! И корни «Черноморца» — оттуда...

В доме 7 жила г-жа Калика с матерью. Именно они прожили всю войну в подвале, скрываясь от фашистов.

Одесситка Люся Калика, ее сестра Рива, мама Жена и две тети соседней Кантаровичей вышли из тайного подвала своей квартиры 10 апреля 1944 года.

...За много месяцев до этого (а точнее — 12 января 1942 года) они спрятались в подвале в надежде, что через неделю-две партизаны отобьют Одессу у фашистов. Но освобождение пришло лишь спустя 820 дней. Их скрывали соседи, поселившиеся недавно и выдавшие себя за караимов. Люся Калика, названная одесской Анной Франк (у них общее имя, ведение дневника, то, что скрывались от фашистов, национальность), умерла в Израиле в феврале 2015 года...

«...Общий выход для нас и соседней — на Авчинниковский пер., 7, и выход на Александровский проспект, 15 — также для нас и для них. Судьба так распорядилась, что наши соседи перебрались на свою половину в самом начале войны. Если бы не они, никто не смог бы помочь нам выжить в подполье. Это были умные энергичные девушки лет 30-ти с матерью. Мать Марьям лет 70-ти, Ольга и Елена в первые же минуты оккупации немедленно выправили себе документы. Жена их брата — русская, архитектор — очень умело исправил паспорт. Так они — типичные евреи — стали караимами...» (Люся Калика).

В доме № 8 жил до самого отъезда в Москву писатель и поэт Семен Липкин. В списке квартирантов от 8 янв. 1918 г., хранящемся в областном архиве, по Авчинниковскому пер., 8, кв. 6 значится «Липкин Израиль Ицкович, раснянский мещ., мужская портняжная мастерская, 1-й эт., 2 ком.».

Разбит наш город на две части,
На Дерибасовской патруль,
Дуварджогу пахнут сласти,
И нервничают обе власти.
Мне восемь лет. Горит июль.
Еще прекрасен этот город,
И нежно светится собор,
Но будет холод, будет голод,
И ангелам наперекор
Мир детства будет перемолот.

«Семен Липкин был младшим современником Багрицкого, Бабеля, Катаева, Славина, то есть плеяды одесских писателей, вступивших в литературу еще во втором десятилетии XX века. А когда из Одессы в 1929 году он по совету Багрицкого переехал в Москву, судьба даровала ему знакомство с Осипом Мандельштамом, Георгием Шенгели, Марией Петровых. Впрочем, поэта издательства не баловали, боевые заслуги и несомненный поэтический дар в учет издательствами не брались. Приходилось заниматься в основном переводами. Первая книга Семена Липкина («Очевидец») вышла в «Советском писателе», когда автору было уже едва ли не шестьдесят. Масла в огонь подлили его участие в скандальном

«Метрополе» и выход из Союза писателей в знак протеста против репрессий по отношению к участникам «Метрополя». Но Иосиф Бродский составил его книгу «Воля», которая появилась в начале 80-х в США. Затем там же увидела свет новая книга «Кочевой огонь».

В доме № 12, построенном в 1889 году и тогда принадлежавшем Л. Кофману, а потом отошедшем к мануфактурному торговцу Д. Котляревскому, находился первый в империи Палестинский комитет, который располагался с момента создания на втором этаже по фасаду этого дома и занимал десять комнат.

С именем и сутью этого комитета связаны имена людей, достойных глубочайшего уважения и почтения. Среди них Лев Пинскер, Хаим-Нахман Бялик, основатель и первый мэр Тель-Авива — да-да!!! — Меир Дизенгоф, Владимир (Зеев) Жаботинский, Менахем Усышкин...

Процитирую выдающегося одесского краеведа Ростислава Александрова:

«...Значительная часть собираемых Комитетом средств расходовалась на открытие и поддержку в Иерусалиме, Газе, Хайфе, Яффе, Артуфе, Беер-Якове, Гедере, других городах и сельскохозяйственных колониях Палестины воспитательных, учебных и просветительских заведений самого разного уровня: детских садов, начальных школ, вечерних курсов древнееврейского языка, гимназий, ремесленных училищ, библиотек, Народных домов, гимнастических обществ... Крупные суммы постоянно получала от Комитета открытая скульптором Б. Шацем и названная им в честь библейского мастера художественная школа «Бецалель» в Иерусалиме, ныне возведенная в ранг Академии художеств и прикладного искусства. Палестинский же комитет сделал первый взнос на приобретение земельного участка для создания Еврейского университета в Иерусалиме. И в богатейших фондах его библиотеки по сей день, наверное, хранятся тысячи книг, принадлежавших штатному ординатору городской больницы на Слободке-Романовке, председателю благотворительного общества «Эзрас-Хойлим», члену Общества распространения просвещения между евреями, доктору Самуилу Ефимовичу Марьяшесу, которые в 1914 году, согласно воле покойного, были отправлены в Иерусалим при содействии Комитета».

Вот что говорил, побывав в Палестине в 1913 году, последний председатель Комитета М. Усышкин:

«Я много видел своими глазами: сорок колоний, разбросанных по всей стране, устроенных по последнему слову европейской науки и техники, с живым трудоспособным еврейским населением. Каждая колония имеет школы, детские сады... И я лично имел великое счастье констатировать, что возрождение еврейства на своей исторической почве — это не сказка или сенсация, а неоспоримый факт».

Ростислав Александров:

«Многолетняя многогранная и благородная деятельность одесского Палестинского комитета завершилась отправкой 620 беженцев из полыхающей пожаром гражданской войны и кровотокающей погромами страны на древнюю землю предков. На пароходе «Руслан» они уехали из занятой войсками генерала Деникина Одессы в Яффу в декабре 1919 года, а через два месяца в город вступили красноармейские части. И опять наши истории Авчинниковского переулочка вплотную подошли к той черте, за которой долгие десятилетия считались крамольными и были отнесены в область потаенных воспоминаний имени Пинскера, Бялика, Жаботинского, Усышкина, Дизенгофа...».

Кстати, помимо Палестинского комитета Дизенгофа связывала с домом № 12 еще одно — главное! — дело в жизни. Ибо Тель-Авив — да-да, Тель-Авив! — начинался в Одессе, в доме № 12 по Авчинниковскому переулочку, где в 1904 году Дизенгоф открыл «Фирмово-командитное товарищество «Геула», которое занималось выкупом из частных рук земельных участков в Палестине с целью передачи их будущему еврейскому государству. И когда Дизенгоф вел приехавшего в Палестину своего давнего одесского приятеля В. Жаботинского по уже выкупленным, но еще не застроенным землям на окраине Яффы, наверное, не думал, что впоследствии выросший здесь его стараниями город на время станет первой столицей Израиля...

Ростислав Александров:

«Дизенгоф вообще был человеком многообразной «биографии с географией» — родился в местечке Акимовичи близ городка Оргеев в Бессарабии, экзамены на аттестат зрелости сдавал в Кишиневе, воинскую повинность отбывал в Житомире, по делу партии «Народная воля» сидел в тюрьме в Одессе, образование инженера-технолога получил в Париже, стекольной фабрикой руководил в Палестине, участвовал в работе Сионистских конгрессов в Базеле, организовывал помощь евреям-беженцам в Дамаске и основал еврейский квартал Ахузат-Баит около Яффы, который с годами превратился в город Тель-Авив, где он состоял первым и многолетним мэром».

Кроме того, в этом доме родился знаменитый скрипач Мильштейн.

В доме № 13 помещалась торговая компания Бродского.

И снова рассказывает Ростислав Александров:

«...Родоначальником старинной и заслуженной семьи (Бродских, — А. Б.) считают происходившего из рода известных раввинов Меира Шора, который еще в начале XIX столетия переехал из галицийского города Броды в местечко Златополь, что в Киевской губернии, где, подобно многим своим землякам, принял фамилию Бродский. Один из пяти сыновей Меира Бродского — Израиль — стал основателем всероссийской известности династии «сахарных королей»... Другой сын старого Меира, сорокадвухлетний петербургский 1-й гильдии купец Абрам Бродский, в 1858 году поселился в Одессе, где издавна жили земляки его отца — галицийские, или,

